УДК 94(47) «17» (271.2)

Н.В. Алексеева

ФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ В РОССИИ ПРИ ПОПЫТКЕ УСТАНОВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ НАД ЦЕРКОВНОЙ ИСПОВЕДЬЮ В XVIII В.

Государство в начале XVIII в. предпринимает известные попытки реформы Церкви, задевавшие сложившуюся покаянную практику. Были введены штрафные санкции за неявку на исповедь, оставшиеся достоянием только XVIII в. Действия государства были призваны укрепить внешнюю дисциплину покаянной практики, а также носили фискальный характер. Мелочная регламентация постепенно начала вызывать протест, как у прихожан, так и у священников, и государство к концу века вынуждено было пойти на их отмену.

Исповедь, покаяние, церковь, Синод, штрафные санкции, грех, священник.

At the beginning of the 18th century the state attempted to reform the Church relevant to the practice of repentance. Penalties for missing the confession were introduced in the 18th century. Actions of the state were intended to strengthen the external discipline of penitential practice and had fiscal character. Petty regulations started to cause protest among parishioners and priests that forced the goverment to cancel them at the end of the century.

Confession, repentance, Church, Synod, penalties, sin, priest.

К началу XVIII в. в России существовала устойчивая практика церковной исповеди. Как мы знаем, государство в этот период предпринимает известные попытки реформы Церкви, задевавшие и сложившуюся покаянную практику. Надо особо отметить, что действия государства были призваны укрепить внешнюю дисциплину покаянной практики, а также носили фискальный характер (учет раскольников). Обряд же самого таинства, его чинопоследования, разумеется, регламентировался каноническими правилами.

При возросшем в современный период интересе к истории Церкви, к ее духовным составляющим, вопрос об истории церковного покаяния, его регламентации и проявлении в повседневной жизни, исследован очень слабо. Особняком стоит доктор церковной истории, профессор Духовной академии С.И. Смирнов [16], который в конце XIX – нач. XX вв. занимался исследованием проблемы исполнения исповеди и покаяния со времен неразделенной Церкви.

В советский период об исповеди и причастии историография вспоминала лишь в связи с отказом от них старообрядцев. Многообразие форм покаяния не исследовалось. В данной ситуации особое значение имели работы историков русского зарубежья, занимающихся изучением русской святости: Г.П. Федотова [17], [18] и И.М. Концевича [7]. Коснулся данного вопроса А.И. Клибанов [6].

В настоящее время имеется цикл работ по смежным проблемам, имеющим важное значение для исследования покаянной практики русских. Результатом этой работы стали несколько сборников, в том числе – «Русские» [11] и «Русский Север» [12]. Проблема, поставленная в настоящей статье, в российской историографии в данном аспекте не рассматривалась.

Начиная со времен Петра I на протяжении всего столетия издаются указы, мелочно регламентирующие повседневную приходскую деятельность. Управление Церковью стало не соборно-церковным, а государственным; духовенство же, по выражению тогдашних законов, отныне несло службу «духовного чина» [7, с. 200]. В указе от 16 июля 1722 г. были перечислены все те праздники, в которые прихожане обязаны были посещать храм во все службы. В воскресные дни большинство жителей также должны были приходить в церковь, за исключением тех, кто оставался «для охраны домов» или, «кроме того, разве кто заболит, или какая невозможность не допустит». Священники обязывались следить за тем, «чтобы крестьяне по воскресеньям, праздничным и царским дням не работали и ходили в церковь и не отвлекались во время службы на посторонние дела» [9. Т. VI. № 4052. П. 3].

Специальные меры были предусмотрены для того, чтобы весь народ исправно ходил на исповедь. Духовники как лица, несущие государственную службу, обязаны были доносить о грехах против государства и не должны были «иметь влияние на народ» [9. Т. VI. № 4012]. В том, что о «государственных умыслах» (заговорах против царя и государства), услышанных на исповеди, они будут объявлять, священники давали присягу при вступлении на должность. Эта присяга была введена именным указом императора от 17 мая 1722 г. после издания Духовного регламента. Мерой наказания за невыполнение было лишение сана и отдача под светский суд [9. Т. VI. № 4012]. Однако нарушение тайны исповеди

касалось только государственной измены и, как положение, нетрадиционное для Церкви, оно особо мотивировалось и обосновывалось в Духовном регламенте [9. Т. VI. № 37180] с целью еще раз убедить в правомерности этого решения.

Оставляя в стороне вопрос о статистике «явки на исповедь», обратимся к рассмотрению тех мер церковного и государственного воздействия, которые были призваны укрепить внешнюю дисциплину покаянной практики. Это важно еще и потому, что в XVIII в. русская православная традиция вместила в себя опыт бытования государственных штрафных санкций за неявку на исповедь – опыт, оставшийся достоянием лишь этого столетия.

Какие же меры предпринимали Церковь и государство для укрепления покаянной дисциплины? С начала XVIII в. государство, поставив под свой контроль посещаемость таинства исповеди и причастия через введение исповедных книг, взяло на себя в случае с «небытейщиками» финансовые меры пресечения подобных нарушений, т.е. штрафы. По указам Петра I с крестьян взимали штраф в следующем размере: в первый раз – 5 коп., во второй – гривну, а в третий – по 15 коп., да кроме того было приказано о тех, «которые в таковых противностях явятся, <...> подавать ведомости в губерниях губернаторам и им, по тем ведомостям, таковым чинить наказания». Небытие на исповеди влекло за собой также ограничение некоторых прав, а именно: таких людей нельзя было избирать ни на какие должности. Для оброчных крестьян, занимавшихся торговлей, штраф был скоро значительно повышен: они должны были платить половину того, что платят купцы, то есть 50 коп. – в первый раз, 1 руб. – во второй, и 1,5 руб. – в третий. В этом указе от 17 февраля 1718 г. не совсем ясно: следовало ли не явившихся на исповедь отсылать для наказания к гражданскому начальству уже при первой неявке. Через четыре года это положение было разъяснено: присылать для наказания к гражданскому начальству только в третий раз, но и тут не определено было, каково должно быть это наказание [9. Т. V. № 3169].

Императрица Анна именным указом 1737 г. подтвердила, чтобы все православные от семилетнего возраста ежегодно исповедовались и причащались в Великом посту, в противном случае было предписано брать штрафы без послабления. Во избежание непосещения исповеди и причастия давались самые мелочные предписания: так, например, исповедаться можно было в другом приходе, но причащаться следовало обязательно в своем, представив свидетельство о бытии на исповеди от того священника, у которого исповедовался [13, с. 504 – 505]. Кстати, это указание на деле не исполнялось – причащались там, где исповедовались. Об этом свидетельствуют записи в алтарных книгах, а также письма от священников других приходов, вшитые туда же. Все эти правила, по словам В.И. Семевского, «вызывали огромную канцелярскую переписку: подавал священник росписи о бывших у него на исповеди в Великом посту, а потом являлись исповедники в другое время и он должен был подавать дополнительные росписи, духовные власти сличали их с прежними и, затем, о не явившихся ни в Великий пост, ни в Петров, ни в Успенский посты сообщали светскому начальству для взыскания штрафов с виновных. Штрафные деньги затем отсылались в военную коллегию» [13, с. 504 – 505].

В начале царствования императрицы Екатерины II снова появилась необходимость уточнений по вопросу о взыскании штрафных денег с «небытейщиков», так как встречались и такие, что не являлись на исповедь по пятнадцати лет и не потому, что были в расколе, а вследствие отлучек или даже по своей «простоте».

Нужно было уточнить два вопроса: какие штрафы брать с них и не подвергать ли их телесному наказанию [13, с. 505]. Екатерина II ответила на них именным указом от 30 сентября 1765 г., где еще раз подтвердила, какое количество денег следует брать за неявку к исповеди: с разночинцев и посадских за первый раз по рублю, за вторую неявку – по два, за третью – по три; с поселян, соответственно, по 5, 10, 15 коп.; «коим за то положенных денежных штрафов за совершенною скудностью и нищетою платить будет нечем, употреблять по рассмотрению губернаторскому в работы казенные и полицейские, и в той работе содержать по две недели, и сверху того оным в работу употребляемым, доколе они в той работе будут, давать в пищу только хлеб и воду. А телесного наказания им не чинить. За помещичьих и владельческих людей и крестьян, кои за неисповедь положенных штрафов сами платить будут не в состоянии, взыскать те штрафы с помещиков их и владельцев, а в небытность оных с прикащиков и старост, а за дворцовых и экономических с управителей казначеев и старост же, в чьем ведомстве те крестьяне находятся..., с воинских, сухопутных и морских нижних чинов, с их жен и детей также, как и с поселян» [10. Т. 1, с. 309 – 3114], [4, л. 23].

Несмотря на все эти подтвердительные указы, количество «небытейщиков», видимо, не сокращалось. Так, по свидетельству В.И. Семевского, Архангельский архиерей сообщил Ярославскому и Вологодскому генерал-губернатору Мельгунову ведомость о не явившихся в 1783 г. на исповедь по его епархии, из которой оказалось, что при населении епархии в 215762 души обоего пола, на исповедь в Великий пост не пришло 79243 человека, т.е. более одной трети, между тем из них записанных в раскол было лишь около полутора тысяч. В.И. Семевский не уточняет, по каким причинам эти люди не явились на исповедь. Но судя по тому, что архиерей требовал, чтобы со всех неявившихся не только были взяты штрафы, но и чтобы они были подвергнуты публичному покаянию, независимо от указа 1765 г., приведенного выше, по которому публичное покаяние назначалось только тем, кто не был на исповеди больше трех лет, основной причиной явилось «нерачение». Мельгунов приказал взыскать с них штраф по 5 коп., но «отсылать такое огромное число людей на покаяние находил не только крайне затрудни-

тельным и убыточным для народа, так как это отвлекло бы его от обычных промыслов, но даже опасным, потому что вследствие этого распоряжения могло бы усилиться обращение в раскол». Это «удаление от церкви» Мельгунов объяснял недостатком ученых священников, которые могли бы иметь влияние на народ, и при этом ссылался на то, что среди самих духовных лиц Архангельской губернии были 67 человек, которые не исповедались.

Сенат согласился с мнением губернатора и представил Синоду подумать над возможными путями предотвращения подобных явлений и порекомендовал ему позаботиться об увеличении числа образованных священников [13, с. 505 – 507]. Нужно, однако, заметить, что большое количество неявившихся на исповедь было в весьма немногих уездах, главным образом в тех, где был «неучтенный раскол». По результатам явки на исповедь в Красноборском уезде Вологодской епархии, в составе которого находился 41 приход, из 43180 человек взрослого населения (т.е. старше 7 лет) в 1790 г. не явилось без уважительной причины, «по нерачению», 546 человек, что составило 1,3 % [5, л. 14, 29, 48 об., 54 об., 81, 98, 108, 131, 154, 155, 166 об., 175 об., 199 об., 200 – 201, 261 – 278, 298, 310 – 340, 341 – 344, 346 – 375 об., 377 – 421, 448, 455, 496, 516, 525, 559, 593, 613, 633, 662, 663 – 675, 690, 716, 734, 779, 799, 837].

Очевидно, что строгие меры принуждения, предпринятые государством в столь деликатной сфере религиозной жизни, коей является покаяние, стали приводить к появлению в приходской практике таких несвойственных ей прежде явлений, как укрытие истинного положения дел, своего рода «очковтирательство». Известно, что отдельные священники, не желая вступать в конфликт со своей паствой, подавали в епархиальные органы заведомо ложные сведения. Консистории пытались с этим бороться.

В алтарных и исповедных книгах обязательно записывались имена лиц, свидетельствовавших о приходе на исповедь в церковь или, по особым причинам, о проведении исповеди дома – «в присутствии домашних», «в прис. дьякона...», «...священника...» и проч. Делалось это, скорее всего, во избежание указанных подлогов, за которые священнослужители наказывались духовными властями путем штрафов, а иногда и «отлучением» от должности [3, л. 2, 24].

Но вообще контролировать истинность сведений, изложенных в духовных росписях, было достаточно сложно. Священники подавали исповедные ведомости раз в год в заказные правления, откуда их отправляли в консисторию. В самом заказном правлении их достоверность не проверяли, да и в консистории тоже. Случаи нарушения духовенством правил ведения отчетности выявлялись именно в процессе взыскания штрафов, когда зачисленные в списки неявившихся заявляли, что у исповеди были. Такие дела передавались в консисторию, а оттуда уже следовал указ в заказное правление провести расследование или же виновных священников забирали для разбирательства в консисторию. В процессе этих расследований требовался второй экземпляр исповедной росписи, который должен был храниться в приходской церкви. Тогда и выяснялось отсутствие или неисправное ведение таковых. За это, как уже указывалось выше, священников наказывали – налагали штрафы в установленном размере, ссылали в монастыри на срок от нескольких месяцев до 2 – 3 лет, отлучали от должности. О подобных случаях обычно объявляли для острастки по всем церквям епархии. Однако угроза подвергнуться наказанию не всегда отвращала священников от подачи ложных сведений – перспектива получения непосредственной выгоды от взятки или нежелание портить отношения с паствой оказывались более веским доводом при этом [8, с. 416 – 417].

Те же требования распространялись и на ведение алтарных книг, где записывались исповедники не по сословиям и половозрастным группам, а по мере прихода их на исповедь в течение всего года. В правилах их заполнения священнику и причетникам указывалось ставить свои подписи под списком исповедавшихся ежемесячно, даже если таковых не было. В противном случае накладывался штраф «со всего клиру за каждый месяц по десяти копеек, а ежели кто один не подпишется, с того по пяти копеек за месяц...» [1, л. 2].

Складывается впечатление, что практика установления «небытейщиков» была показателем своеобразного неприятия духовенством этой системы штрафных санкций. К концу века на это стали осторожно, но весьма настойчиво указывать и архиереи [2, л. 2, 3, 3об.]. В своих обращениях они начинают перемещать внимание духовенства в вопросе об исповеди с принудительно-штрафных мер на меры преимущественно духовного воздействия, призывая самих членов причта постоянно учить этому паству.

Судя по «Делам о наложении епитимий», к концу XVIII столетия церковные и государственные власти приходят к убеждению, что необходимо воздействовать на верующих духовными средствами, а не экономическими, для этого ставка делается на хорошую подготовку священников и повышение требований к из моральному поведению. И, наконец, Императорский указ 1801 г. «О наказании людей Грекороссийского исповедания за уклонение от исповеди и Св. причастия вместо денежного штрафа церковным покаянием» [9. Т. XXVI. № 19743] официально отменил штрафные санкции против «небытейщиков»: «яко за духовное прегрешение духовными же наказаниями привесть в вящее возчуствование своего прегрешения и к истинному в том раскаянию...» [9. Т. XXVI. № 19743, с. 522].

Источники и литература

1. Государственный архив Архангельской области (ГААО). – Ф. 359. – Оп. 3. – Д. 114.
2. ГААО. – Ф. 1025. – Оп. 5. – Д. 38.
3. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 496. – Оп. 1. – Д. 3134.
4. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 1. – Д. 3597.
5. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 19. – Д. 390.

6. *Клибанов, А.И.* Древняя культура Средневековой Руси / А.И. Клибанов. – М., 1994.
7. *Концевич, И.М.* Стяжание Духа Святаго в Путях Древней Руси / И.М. Концевич. – М., 1993.
8. *Нечаева, М.Ю.* Монастыри в системе регуляции общественной и хозяйственной жизни Урало-Сибирского региона (1721 – 1764 гг.): дис. … канд. ист. наук / М.Ю. Нечаева. – Екатеринбург, 1994.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649 – 1825: в 45 т. – СПб., 1830.
10. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. 1762 – 1777. – СПб., 1910.
11. Русские // отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. – М., 1999.
12. Русский Север. Этническая история и народная культура XII – XX века // отв. ред. И.В. Власова. – М., 2001.
13. *Семевский, В.И.* Сельский священник во второй половине XVIII в. / В.И. Семевский // Русская старина. – 1877. – Т. XIX.
14. *Смирнов, С.И.* Древнее духовенство и его происхождение / С.И. Смирнов // Богословский Вестник. – 1906.
15. *Смирнов, С.И.* Древнерусский Духовник / С.И. Смирнов. – М., 1913.
16. *Смирнов, С.И.* Исповедь и покаяние в древних монастырях Востока / С.И. Смирнов // Богословский Вестник. – 1905.
17. *Федотов, Г.П.* Святые древней Руси / Г.П. Федотов. – М., 1990.
18. *Федотов, Г.П.* Сокровище русской древности / Г.П. Федотов. – Нью-Йорк, 1948.

УДК 27

З. Милошевич

СОВРЕМЕННАЯ ХРИСТИАНИЗАЦИЯ МУСУЛЬМАН

Эта статья была написана в рамках научного проекта «Демократический и национальный потенциал политических институција Сербии в процессе международной интеграции" (179 009), финансируемой Министерством образования и науки Республики Сербии

> Мусульмане тихо оставляют ислам. Это трагический секрет, о котором говорят шепотом в исламском сообществе, а мы этот шепот не слышим, потому что оглушены криками о том, что ислам является религией с самым быстрым темпом роста.
>
> *Лара Хасон*

В общественном сознании укрепилось мнение, что мусульмане не переходят в другие веры, однако, точнее было бы определить ислам как религию, члены которой нелегко переходят в другие конфессии. Существует и стереотип о неэффективности христианских миссий в исламском мире, что неверно.

Идентичность, религия, христианство, ислам, политика, прозелитизм, социальные технологии.

In public consciousness there exists an opinion that Muslims don't pass to other beliefs, however it would be more exact to define Islam as the religion which members do not easily pass to other faiths. There is also a stereotype about an inefficiency of Christian missions in the Islamic world that is incorrect.

Identity, religion, Christianity, Islam, policy, proselytism, social technologies.

Конкуренция двух религий, христианства и ислама, является их постоянным элементом развития, «Потому что ислам хотел, как и остальные две другие монотеистические религии, только победу» [1, с. 83]. История борьбы между исламом и христианством длинная, результаты (борьбы) были разнообразны и изменчивы, но если мы сосредоточимся на периоде после 11 сентября 2001 г. (террористическая атака на башни-близнецы в Нью-Йорке), кажется, что после огромного успеха ислама к тому времени, сейчас побеждает христианство [1, с. 94]. Таким образом, собранные данные позволяют предположить, что это результат многочисленных факторов, среди прочего, и христианской миссионерской деятельности, значительная доля новой волны христианизации мусульман имеют сами мусульмане, именно самые радикальные, которые своими террористическими актами, жестким толкованием и применением шариата заставляют мусульман идти в объятия христианства. Христианизации мусульман способствует и мусульманский мир, который слаб в культурной, в военной и в экономической областях. Исламскому миру не хватило сил обдумать привлекательную культуру для неисламских народов как возможный ответ на американскую культуру, которая является магнитом для молодых людей. Это пространство определенно будет открыто в течение длительного времени для проверки мусульман. Збигнев Бзежин-